

Харлан Эллисон, Альгис Будрис

Чудо-Птица

Альгис Будрис Харлан Эллисон Чудо-Птица

OCR & spellcheck by HarryFan, 26 July 2000
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156666

Аннотация

Наступило время пророчества. Время, когда все пять лун удалились за облака. Представление должно начаться снова. Так говорило пророчество, и так думал Скилтон, учитель племени, видный представитель своей расы. И вот, к ним наконец прилетела Чудо-Птица. Всё племя собралось в предвкушении новых откровений...

Харлан Эллисон, Альгис Будрис

Чудо-Птица

Время от времени огонь в сооруженном наспех очаге начинал угасать, и подступала ночная тьма. Пещера освещалась лишь слабыми всполохами умирающего пламени, и все сидевшие вокруг единственного источника тепла и света поживались от холода и страха. Скилтон тычками и шлепками подгонял пугливый молодняк к границе надвигающейся тьмы, заставляя их подбирать опавшие сучья и подкладывать в костер, чтобы не дать ему окончательно умереть. Но молодежь была неуклюжа, медлительна и напугана наступающей ночью. Сушняк попадался редко, а тьма была совсем рядом и вместе с ней – неминуемая гибель. Скилтону как учителю и проводнику племени приходилось применять силу, а порой даже вынужденную жестокость, дабы выгнать наружу соплеменников.

Может, нам не следовало приходить сюда, думал Скилтон, может, стоило лучше остаться в родных долинах, где так много деревьев, а внезапная смерть происходит редко?

Его размышления оборвал вопрос, мысленно заданный Ларом, одним из самых младших членов племени.

«Но, учитель, почему мы должны были идти именно сюда?»

Массивная голова Скилтона повернулась на волосатой шее, и он пристально посмотрел в широкие с двойными зрачками глаза Лара.

«Потому что наступило Время Пророчества», – едва сдерживая раздражение, так же мысленно ответил он. Молодежи и самой полагалось бы об этом знать. Но нынче в племени все по-иному. В былые времена хватало толковых любознательных парней, которые умели задавать умные вопросы, например: «Как халфей протаптывает лесные тропы?» или «Почему я чувствую дрожь, когда вижу эту самку?»

Но скольких уж из тех прежних призвала к себе смерть. А нынешняя молодежь дерзка, и религия значит для них так мало.

«А откуда ты знаешь, что Время Пророчества наступает именно сейчас?» – не отставал Лар.

Разгневанный Скилтон поднялся и, словно башня, навис над младшим соплеменником.

«Глупец! – мысленно прокричал он. – Ты разве не помнишь слов: “Ничего не бойся и не беспокойся, раз дружок твой Элфи рядышком с тобой! Я вернусь, как только лунную дорожку скроет наш союзник – облачный прибор!” Вот и пришло то самое Время, когда все пять лун удалились за облака, чтобы, не видимые глазу, держать там свой великий совет. Представление начнется снова, и Лэмы опять разыграют “Дворец”!»

По мере того, как Скилтон произносил эту мысленную

речь, его фразы становились уверенней и резче и теперь уже не просто звучали, а раскатами грома отдавались в головах соплеменников. Скилтон и его слово Истины! Верить-то они, конечно, верили, но вот только...

Не следовало уводить их так далеко. Мало того, что он вытащил их из родных нор и привел в незнакомое место, где край пустыни серебристых песков смыкался с подножием Великой Горы, так их здесь вдобавок настигла большая тьма.

Однако сделанного не воротишь, теперь слишком поздно менять решение, а посему им так или иначе придется переждать период безумства Скилтона, пока он наконец не поймет, что прежняя религия – лишь жалкий обман и не существует никакого Времени Пророчества.

И тут прямо над пиком Великой Горы темное небо расколола надвое полоса пламени. Тьма дрогнула, и Скилтон вскочил на ноги, внимательно всматриваясь в огненный след.

Над горой пылала жаром огненная птица. Сверкающая золотом Чудо-Птица, содрогаясь и грохоча, пробивала сквозь вихри путь вниз, трепеща украшенными эмблемами крыльями. Тьма превращалась в свет, и смерть отступала под взмахами пылающих жаром крыльев.

Скилтон мысленно запел молитву, и весь молодняк рухнул подле него на колени с бормотанием: «Веруем! Веруем!» После чего их мысли нестройным хором присоединились к Скилтону в пении слов Ритуала Снятия Цилиндра.

Июнь; вполголоса пою я эту песенку свою,
Готов любезничать я с кем попало.
И на Луне, поверьте мне, глупцов не так уж мало.
Лишь вечно одинокий в этом деле скромн,
А, может, от рожденья вралем просто скроен.
Хоть песенка моя – и чепуха, наверное,
Но просто у меня такое настроение.

Они стояли на своих трехсуставчатых коленях, сливаясь в гармоничном звоне мысли, и вдруг Скилтон внезапно вскочил на ноги и изо всей мочи помчался прочь от пещеры и такого бесполезного теперь костра к покачивающей крыльями Чудо-Птице. Молодняк, сбившись в кучу, потрусил за своим учителем.

Усики-антенны Скилтона топорщились и подрагивали, когда он несся к Чудо-Птице. Он лишь мельком успел подумать о молодежи: все-таки она верила в него, Скилтона. Старших соплеменников Скилтон оставил на волю их собственной находчивости – в нужное время те и сами отыщут Чудо-Птицу.

«Скорее! Поспешим! Именно этого Времени мы ждали, чтобы стать очевидцами Великого Прибытия!»

И молодежь поспешала. Все их восемь трехсуставчатых ног описывали круги от старания поспеть за своим учителем, который неизвестно откуда ощутил вдруг такой прилив сил,

что оставил далеко позади куда более молодых соплеменников.

Молодняк с мчащимся во главе Скилтоном быстро миновал поросшую мхом полосу предгорья и вплотную приблизились к краю пустыни серебристых песков. Скилтон оглянулся. Вдалеке виднелись движущиеся точки – это были соплеменники, спускавшиеся по склону гор. Скилтон, однако, вовсе не собирался дожидаться их. Ведь именно он был воистину верен Лэмам и именно он должен первым приветствовать их. Долгие годы веры должны быть оплачены сполна.

И все-таки почему-то он не отваживался ступить на серебристый песок. Однако вовсе не потому, что от радости лишился рассудка.

Время пришло. Да, но, может, не совсем то, о каком говорилось в Пророчестве? А вдруг что-то изменилось? Ибо Пророчество и его смысл вполне могли быть искажены этим самым временем. Следует действовать с большой предусмотрительностью. Ведь он, Скилтон, учитель племени!

Чудо-Птица мерцала разноцветными вспышками. Голубая, красная, золотистая, янтарная, снова золотистая. Непрерывно струящиеся, плавно переходящие один в другой цвета и вдруг...

Пишиш! Хлоп!

Из Чудо-Птицы изверглись яркие разноцветные струйки, напоминающие тонкие веточки, и через несколько минут часть плоти Чудо-Птицы всосалась внутрь, образовав в боку

круглое отверстие. Из этой черной дырки вылезло длинное существо и медленно поползло вниз, пока не уперлось в серебристый песок.

Затем... что-то более мелкое (еще одно существо?) выскочило из дыры, сбежало вниз по длинному вытянутому существу, прыгнуло на песок и, уперев лапы в бока, обернулось к Чудо-Птице.

– Черт возьми эту вонючую электроцепь! – завопило оно.
Слова были произнесены вслух.

Стоящие торчком усики-антенны Скилтона завращались. Вслух? Голосом? Не мысленно, как было принято у соплеменников Скилтона, а голосом, наподобие криков глупых халфеев, когда те жрут или убегают. Мало того, что это совсем не соответствовало нормальному способу общения, оно никак не вязалось со смыслом самого Предсказания. Совершенно непонятно. Любой соплеменник Скилтона мог выразить мысль, не сотрясая понапрасну воздух, и передать при этом куда более глубокий и точный смысл высказанного. Очень странно.

Существо поменьше вытащило какой-то прутик из Чудо-Птицы. Скилтон настроился на излучение мозга существа и обнаружил там *мысли!* Оно не только производило звуки, оно еще и мыслило! Совершенно непонятно.

Скилтон тут же узнал, что прутик – это «контроллер электросвязи банка данных дисплея обшивки с силовой установкой», а черная дырка – просто-напросто «ремонтный от-

сек», однако абсолютно не понял, зачем они нужны. Однако раз эти вещи существуют, значит, в них имеется необходимость, ибо Скилтон хорошо помнил основное правило Левуса: «Непонимание – не есть бессмыслица. Следи за каждым движением, не суетись, действуй осознанно и тогда добьешься цели!»

Существо наложило лоскут шкуры *поверх* кожи Чудо-Птицы, и игра красок, сопровождаемая грохочущим лязгом, прекратилась.

– Опять, наверное, фиксатор чертов, – произнесло существо, со странным выражением поглядев на Чудо-Птицу. Мозг существа почему-то излучал чувство удовлетворения, что противоречило эмоциональному оттенку высказывания.

«Что-что?» – возникла мысль слонощенка второго помета по имени Калона.

«Молчи, наглец!» – Скилтон тотчас мысленно осадил выскочку. Это же благословенные Лэмы. Никогда в них не сомневайтесь, никогда не задавайте им глупых вопросов и никогда не позволяйте своим жалким мыслишкам перечить им, ибо они всемогущи и запросто нашьют на вас смерть за ваш неводержанный язык, если вы не станете поступать так, как я вам говорю!

«Но, Скилтон...»

«Молчи, сопляк! Или желаешь, чтобы я отдал тебя Птице?»

«Чудо-Птице?»

«Просто Птице, дурак!»

Юный нахал отполз, раболепно извиваясь.

Слова Скилтона были смелы и проникнуты верой в Лэмов. Пусть в его собственные мысли и закрадывались некоторые сомнения, но он изо всех сил старался прогнать сии недостойные чувства, а уж молодежь и подавно не должна сомневаться ни на йоту. Ибо если они начнут колебаться. Представлений больше никогда не будет. Иногда и сам Скилтон начинал задумываться, а были ли Представления вообще, однако гнал от себя подлые мысли, ибо Представления олицетворяли золотую эпоху. Потому-то он обязан доверять своим куда более глубоким чувствам и отвергать недостойные помыслы: так лучше для всех, и для него самого, и для молодняка, и даже для испорченно-мыслящих взрослых соплеменников, уныло тащившихся с предгорья к пустынной равнине серебристых песков.

Скилтон опять посмотрел на Чудо-Птицу, но тут вдруг взрыв звуков и мыслей буквально оглушил его.

Существо поменьше снова влезло наверх по другому, длинному и опирающемуся на песок существу, засунуло голову внутрь Чудо-Птицы и закричало – опять *голосом!*

– Мардж! Эй, Мардж! Вылезай, публика ждет!

После чего вытащило голову из черной дыры и через плечо покосилось на Скилтона и топчущийся за ним молодняк.

Из нутра Чудо-Птицы выбралось еще одно существо. «Она» – такой образ возник в голове первого существа.

«Она» стояла на вершине длинного вытянутого существа (мысленно определяемого «ею» как трап) и оглядывала мерцающую, изменяющую цвета плоть Чудо-Птицы, на которой появлялись странные закорючки, через некоторое время принявшие устойчивые формы:

МАРДЖ И ЭНДИ ПИТЕРБОБ! ИЗВЕСТНЫЕ
КОМЕДИАНТЫ!

А чуть пониже более мелкие загогулины изображали:

ПРОКАТ СМОКИНГОВ, ЭКСКУРСИОННЫЕ
ПЕРЕВОЗКИ.

«Она» широко разинула рот (еще и зевает, зараза, подумало о «ней» первое существо) и огляделась.

– Ну и где же почитатели?

Существо-«он» махнуло рукой в сторону Скилтона и слонощенков, у границы песков и мха.

– Да вот здесь, дорогуша. Вон они.

«Она» посмотрела в указанную сторону, и глаза существа округлились.

– Они? Вот эти? *Вот для этих мы и должны играть?*

«Он» пожал плечами.

– Если ты имеешь в виду кабаки – то их здесь нет.

– А ты уверен, что это вообще та планета?

«Он» вытащил лоскуток странной тонкой шкуры из разреза в собственной коже, развернул его и, пробежав пальцем по информационной колонке, сообщил:

– Запись утверждает, что звездолет гастрольной труппы был здесь в 2703 и дал около трех сотен представлений подряд. В итоге они уперли отсюда воз и маленькую тележку ценнейшего тонковолокнистого местного хлопка. Неспроста, видно, и назвали планету Дворцом.

«Она» скривилась:

– И теперь ты прикажешь выкаблучиваться перед этими косматыми чудищами?

– Ну, Мардж, дорогуша, нам приходилось выступать перед куда большей шпаной. Вспомни хотя бы трехглазых слизней на Дипессе или шипастых шариков в Аду Хэрита, или, например...

«Она» оборвала его взмахом руки, резким и категоричным.

– Не видела ничего хуже подобной своры восьмилпых слонов ростом с дворнягу.

В этот момент до Скилтона дошло, что прибывшие существа от него не так уж близко, а сзади уже слышался топот приближающихся соплеменников. И Скилтон понял: пришел его черед, тот самый долгожданный ответственный момент обращения к богам, его богам, Лэмам, которые наконец-то прибыли. Он обязан приветствовать их первым.

Все долгие годы ожиданий и веры, насмешек и оскорблений бросили его вперед. Он должен стать избранником великих богов!

Собравшись с силами, Скилтон произнес слова *голосом!*

Где-то глубоко внутри зародился, прошел через глотку и, многократно усиленный голосовыми связками, вырвался наружу громоподобный рев:

– Ба-рууууууу!

«Она» от ужаса вытаращила глаза, затряслась и, пригнувшись, отшатнулась назад.

– Эти проклятые твари явно собираются поужинать! При чем нами. Давай сматываться.

«Он» обернулся к Скилтону. Хотя губы существа тряслись, в мыслях читалось желание остаться.

– Мардж, детка, послушай... да не ори так, дура, а то взбодоражишь их еще больше... ну, мы ведь от них довольно далеко... и наверняка сумеем здесь неплохо подзаработать...

В ворохе эмоций Скилтон разобрал лишь одну мысль.

– Что? Я даю деру – и немедленно!

– Дорогуша, но ведь сейчас мертвый сезон, нам необходимо...

Однако «дорогуша», наполовину высунувшись из Чудо-Птицы, швырнула какой-то предмет прямо в голову существа-мужчины.

– Какого черта, Мардж, ты кидаешься в меня всякой хренью? На фига ты схватила эту штуковину? Если хочешь знать, она вообще не наша – это имущество компании. Говорю, иди сюда, Мардж, мы должны...

– Ничего я не должна! И если ты не хочешь остаться здесь в качестве бифштекса, немедленно тащи свою костля-

вую задницу наверх и помоги мне взлететь!

Пока «она» не терпящим возражений взглядом смотрела на существо-мужчину, изредка бросая странно меняющиеся с каждым разом взгляды на Скилтона и его соплеменников, с холма подтянулись отставшие, и теперь уже все нерешительно переминались с лапы на лапу за спиной своего наставника.

– А-а-а! – так сильно завопила «она», что даже антенны Скилтона несколько сжались. Затем, отчаянно махнув рукой, существо целиком скрылось в теле Чудо-Птицы.

«Он» ругнулся и глянул через плечо. Увидев, как заметно выросла группа соплеменников Скилтона, сгрудившихся на мшистой земле у самого края песчаной равнины, «он» мгновенно захлопнул рот и стремглав взлетел на самый верх трапа.

Мысли в голове существа-мужчины бурлили как вода в горячем источнике, а срывающиеся с губ слова буквально жгли воздух.

«Он» влетел внутрь Чудо-Птицы, и до соплеменников Скилтона донеслись разнообразные звуки. Море звуков, нет, океан звуков! Дыра в теле Чудо-Птицы быстро затянулась.

Скилтон и его племя стояли и наблюдали, как затуманиваются мерцающие краски, как рождается низкий хриплый звук. Когда же из-под хвоста Чудо-Птицы вырвалось ослепительное пламя, они прикрыли глаза вторичными веками, а, открыв их секунды спустя, с растерянностью увидели, как

Чудо-Птица поднимается над землей.

Она сияла, сверкала и переливалась всеми цветами радуги, по мере того как взлетала над Великой Горой, уходя туда, откуда явилась, в вихри сумрачных облаков, пока наконец совсем не исчезла из виду.

Скилтон наблюдал за ней со смешанным чувством.

Чудо-Птица улетела, а вместе с ней исчезли суть его подвижничества, его религия, его мысли, все его бытие.

Они никогда больше не вернутся для Представлений. Они никогда не сыграют «Дворец».

Скилтон прятал свои тяжелые мысли глубоко под уровнем считывания, дабы племя не догадалось, о чем он сейчас думает. Он чувствовал смущение и тревогу соплеменников – те ждали объяснений. Но как ему донести до них всю правду? Как сказать, что никакого Представления не было и все долгие годы ожидания Великого Предсказания прошли напрасно? Как?!

Однако долг учителя – быть честным и правдивым, и Скилтон уже начал вызывать свои мысли на общий суд, как вдруг резко остановился и загнал их назад, сохранив поверхность разума спокойной и чистой.

На серебристом песке он заметил прямоугольный предмет, выброшенный из Чудо-Птицы существом-женщиной. Возможно, в этом прямоугольнике хранится ключ к тайне, способный помочь Скилтону. Символ, могущий возродить его веру в Лэмов.

«Скилтон? – донеслись до него мысли охваченного страхом племени. – Скилтон, скажи нам, о достопочтенный и прозорливый учитель: что все это означает? Это и было то самое Представление?»»

Однако он лишь ответил: «Пошли».

И все племя побрело за ним в серебристые пески к непонятному предмету, оставленному Чудо-Птицей.

Окружив странный Знак, они принялись рассматривать его – и думать, думать.

Прошло много времени. И они спросили Скилтона: так ли это, и он ответил: да, именно так. Они узнали, что явленное им в прямоугольнике и есть Великая Истина.

И еще прошло немало времени. И они поняли.

Здесь было нечто иное. Но не конец. Начало.

Новый образ жизни. Новая эпоха.

Предсказание свершилось.

Возвращаясь в родные долины, они за ненадобностью отбросили прежние ритуалы Снятия Цилиндра, ибо теперь перед ними расцветала новая жизнь. Сейчас уже ни у кого не оставалось ни малейших сомнений, что все они видели *именно* Чудо-Птицу.

Скилтон опустил массивную голову и, зажав беззубым ртом прямоугольник, рысью помчался к подножию Великой Горы.

Молодняк резво бежал за учителем, а за ними тянулось и все остальное племя, но среди них уже не было медли-

тельных маловеров, ибо все старались побыстрее постигнуть
смысл символов, заключенных в Знаке Новой Истины.

Символов, которые выглядели так:

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ МАРКИЗА ДЕ САД